

ВИКТОР ГРОМОВ

ОПАЛЬНАЯ
КНЯГИНЯ

Вернуть род за 30 дней

Виктор Громов

**Опальная княгиня.
Вернуть род за 30 дней**

«Литнет»

2026

Громов В.

Опальная княгиня. Вернуть род за 30 дней / В. Громов —
«Литнет», 2026

Её пришли разорять в семь утра. Анна Зорина проснулась в теле Варвары Заречной — опальной княгини, последней главы древнего рода, который уже почти списали со счетов. Долги, закрытая мастерская, украденные земли, молчащий родовой источник и тридцать дней до Совета, где Заречных окончательно лишат титула, права голоса и будущего. Волконские уверены: княгиня подпишет отказ и исчезнет красиво. Двор уверен: слабый род не спасти. Слуги ждут конца. Союзники требуют выгоды. Враги улыбаются слишком вежливо. Но Варвара не собирается быть удобной жертвой. Чтобы вернуть род, ей придётся поднять старые мастерские, вскрыть долговые схемы, собрать вокруг себя тех, кого Империя уже списала, и доказать: сила рода не в древнем имени, а в людях, договорах, земле, работе и праве говорить своим голосом. А ещё — не попасть в новую ловушку. Потому что союз с князем Северином может стать спасением... или самым опасным договором в её жизни. Тридцать дней. Один мёртвый род. Одна опальная княгиня. И Империя, которая ещё не знает, как дорого ей обойдётся эта ошибка.

Содержание

Опальная княгиня просыпается в долгах	5
Тридцать дней до казни рода	16
Княгиня, которая считает деньги	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Опальная княгиня просыпается в долгах

Варвару Заречную пришли разорять в семь утра.

Анна Зорина поняла это не сразу. Сначала она поняла другое: потолок над ней был чужой, слишком высокий, слишком богато расписанный и слишком потрескавшийся для места, где человек должен просыпаться спокойно. По лепнине бежала тонкая золотая сетка, местами потускневшая, словно кто-то много лет назад попытался изобразить роскошь, потом устал оплачивать её содержание и оставил дворец доживать на гордости.

Где-то за дверью говорили мужчины.

Не просто говорили — распоряжались.

— Начинайте с восточного крыла, — произнёс сухой голос. — Картины, серебро, ковры, зеркала, всё по описи. Родовой кабинет запечатать до решения палаты.

— Архив тоже? — спросил другой, моложе и осторожнее.

— Архив в первую очередь. Пока княгиня не передумала подписывать отказ.

Княгиня.

Анна открыла глаза шире.

Вот с этого момента утро стало окончательно неправильным.

Она лежала не в своей квартире, не на старом диване с ноутбуком у ног, не в гостинице после командировки и даже не в каком-нибудь пафосном номере, куда её могли занести последствия слишком длинного рабочего дня. Она лежала в огромной постели под тяжёлым тёмно-зелёным балдахин, в тонкой сорочке с кружевом у запястий, на простынях, которые стоили больше, чем весь её прежний гардероб, но пахли холодом нежилого дома.

Рука на одеяле была не её.

Точнее, теперь — её.

На одно короткое мгновение Анна перестала думать.

Не о долгах. Не о чужих голосах за дверью. Не о странной комнате.

Только о том, что где-то — если это «где-то» ещё существовало — осталась её прежняя жизнь: телефон на тумбочке, недопитый кофе, непрочитанные сообщения, имя, которое больше никто здесь не произнесёт.

Её не просто перенесли. Её вычеркнули.

А вместо неё оставили женщину, которую уже пришли добивать.

Анна сжала чужие пальцы в кулак.

Хорошо. Если новый мир решил начать знакомство с разорения, она хотя бы не станет плакать при свидетелях.

Тонкая, бледная, с длинными пальцами, с перстнем на безымянном пальце. Перстень был старинный, тяжёлый, серебряный, с гербом: раскрытые ворота, над ними — колос, пересечённый ключом. Странное сочетание. Земля, дом, замок, право входа. Анна никогда не разбиралась в геральдике, но умела разбираться в людях, которые рисуют красивые символы поверх грязных сделок.

Она резко села.

Мир качнулся, но не настолько, чтобы упасть обратно. В голове вспыхнули чужие обрывки: зал с зеркалами; женщины в шёлке, отворачивающиеся при её появлении; мужчина с тёмными усами, который говорил: «Варвара Павловна, будьте разумны»; стопка бумаг на письменном столе; мокрые от дождя ступени; пустые стойла; закрытая мастерская; старик с печальными глазами, шепчущий: «Дом ещё держится, княгиня».

Варвара Павловна Заречная.

Княгиня.

Последняя полноправная представительница дома Заречных.

Опальная, разорённая, нежелательная при дворе, вдова без поддержки, хозяйка усадьбы, которую уже почти поделили.

Анна сжала край одеяла.

— Прекрасно, — сказала она хриловато. — В прошлой жизни я вытаскивала предприятия из долгов. В этой, видимо, решила начать с двorca.

Голос был её и не её одновременно. Ниже, мягче, с той выученной аристократической сдержанностью, которая держалась даже сквозь раздражение. Но интонация осталась Аннина. Жёсткая. Сухая. Недовольная качеством чужого управления.

За дверью что-то упало.

— Осторожнее! — рявкнул сухой голос. — Это внесено в опись!

Анна — Варвара — повернула голову.

Комната была большой, но не уютной. У окна стоял туалетный столик с потускневшим зеркалом, возле стены — высокий шкаф, у камина — два кресла, накрытые тканью. На спинке одного кресла висело тёмное платье. Рядом лежали перчатки, пояс и небольшая связка ключей.

Ключи она взяла первыми.

Это было инстинктивно.

В любом кризисе ключи важнее красивой одежды. Кто держит ключи, тот хотя бы понимает, какие двери ещё можно закрыть.

Пока она одевалась, память Варвары продолжала возвращаться кусками. Не сплошным потоком, а как плохо собранная папка: листы перепутаны, часть мокрая, часть вырвана, на самых важных местах чужие печати. Муж погиб полгода назад при странном обрушении южного моста. Свёкор умер раньше. Детей нет. Род Заречных держался на землях, мельницах, ремесленных дворах, нескольких защитных линиях и старом источнике, который называли «домовым достатком». После гибели мужа всё посыпалось: долги, суды, требования соседей, внезапные проверки, отказ поставщиков, исчезновение управляющих, молчание родичей.

А теперь — опись имущества.

И отказ.

Слово вспыхнуло особенно ярко.

Отказ от прав на восточные земли, мастерскую, архив и старую родовую линию в пользу «временного попечения» дома Волконских.

Анна застыла, держа в руках шпильку.

Временное попечение.

Она знала такие слова. В её прежнем мире они назывались иначе, но пахли одинаково: добровольная реструктуризация, временное управление, антикризисный контроль, передача полномочий до стабилизации. Перевод на человеческий всегда был один: подпиши сейчас, потом ничего не вернёшь.

За дверью снова раздались шаги.

— Княгиня ещё не вышла? — спросил осторожный голос.

— Выйдет, — ответил сухой. — Все выходят, когда понимают размер долга.

Анна воткнула шпильку в причёску, не особенно заботясь о красоте, но добившись того, чтобы волосы не мешали. Платье село непривычно, слишком тяжело, но в зеркале отразилась женщина, которая вполне могла испортить утро любому приставу.

Высокая, бледная, с тёмно-русыми волосами, строгим лицом и серыми глазами. Красивая — не мягкой красотой, а той, которую хочется назвать холодной, если человек боится признать силу. Только взгляд был не Варварин. Прежняя княгиня, судя по памяти, смотрела устало и обречённо.

Анна смотрела как человек, который увидел финансовую дыру и уже ищет виновного с подписью.

Она открыла дверь.

В коридоре стояли пятеро.

Первым был худой мужчина лет сорока пяти в коричневом мундире с медной цепью на груди. Лицо длинное, губы тонкие, глаза уверенные. Такие люди не кричат, потому что привыкли, что за них кричит печать.

Второй — молодой писарь с планшетом и стопкой листов. Старательно не смотрел княгине в глаза.

Третий и четвёртый — крепкие служащие при описи, уже с ящиками в руках.

Пятый не имел к приставам прямого отношения. Это стало ясно сразу. Высокий мужчина в дорогом сером камзоле, с серебряной заколкой в виде волчьей головы и мягкой улыбкой, которая не доходила до глаз.

Память Варвары подсказала имя.

Глеб Аркадьевич Волконский.

Не глава рода. Представитель соседнего клана. Человек, который всегда приезжал не угрожать, а «помочь принять разумное решение».

Анна терпеть не могла разумные решения, которые заранее написаны чужой рукой.

— Княгиня, — сказал пристав, склонив голову ровно настолько, чтобы это было формальностью, а не уважением. — Рад видеть вас в состоянии принять участие в процедуре.

— А я вас видеть не рада, — ответила Варвара. — Но раз уж вы начали день в моём доме, придётся выяснить, кто именно решил, что это хорошая мысль.

Писарь поднял голову.

Глеб Волконский улыбнулся чуть шире.

Пристав моргнул.

— Варвара Павловна, процедура проводится на основании решения городской долговой палаты.

— Замечательно. Значит, у процедуры есть номер, дата, основание и ответственный исполнитель.

— Разумеется.

— Покажите.

Секундная пауза оказалась вкуснее завтрака, которого ей, судя по всему, сегодня не предложили.

Пристав не ожидал этого тона. Он ожидал слёз, слабости, истерики, подписи, может быть — попытки торговаться. Но не запроса документов прямо в коридоре.

— Все бумаги будут представлены вам в малой гостиной, — сказал он.

— Нет. Сейчас.

— Княгиня, не стоит осложнять...

— Господин...

— Надворный пристав Ефим Степанович Лыков.

— Господин Лыков, — сказала Варвара так спокойно, что писарь перестал дышать носом. — В моём доме вы не будете начинать фразы с «не стоит», если не хотите, чтобы я решила, будто вы путаете законную процедуру с личной прогулкой по чужой собственности. Документы. Сейчас.

Глеб Волконский тихо рассмеялся.

— Варвара Павловна, вы сегодня удивительно бодры.

Он чуть склонил голову, и голос его стал мягче — почти заботливым.

— Вы уже однажды поняли, что сопротивление утомляет сильнее, чем согласие. Не заставляйте нас снова доводить вас до этого понимания.

Она повернулась к нему.

— Глеб Аркадьевич, а вы сегодня удивительно рано. Бояться, что без вас украдут чужое, — это уже семейная привычка или должность?

Улыбка Волконского не исчезла, но глаза стали холоднее.

— Я прибыл как представитель стороны, готовый принять спорное имущество под временное попечение и тем самым избавить вас от дальнейшего позора.

— Позор, как я вижу, у вас тоже идёт в комплекте с заботой.

Писарь издал странный звук и уронил один лист.

Лыков резко протянул Варваре папку.

— Прошу.

Она взяла документы и прошла к окну, где было больше света. Слова поначалу казались непривычными: старые обороты, ссылки на палаты, родовые права, залоговые земли, магические узлы, «согласие главы дома при отсутствии возражений». Но опыт Анны работал быстрее, чем память Варвары. Документ мог быть написан хоть чернилами на пергаменте, хоть в электронном виде; если кто-то хочет обмануть, он прячется не в стиле, а в структуре.

Решение о предварительной описи имущества дома Заречных.

Основание: просроченные обязательства по трём договорам.

Ответственная сторона: городская долговая палата.

Присутствующая заинтересованная сторона: дом Волконских, держатель части переуступленных требований.

Предмет описи: движимое имущество восточного крыла, хозяйственные ценности, мастерские запасы, архивные материалы, не относящиеся к действующему родовому управлению.

Вот.

Архивные материалы, не относящиеся к действующему родовому управлению.

Варвара перечитала строку.

Потом ещё раз.

И почувствовала, как в груди шевельнулось что-то чужое, старое, глубже памяти. Не сила. Скорее возмущение дома, который слишком долго слушал, как его называют пустым.

— Любопытно, — сказала она.

Глеб Волконский чуть склонил голову.

— Что именно?

— Вы торопитесь забрать архив, но стесняетесь написать это прямо.

Лыков напрягся.

— Формулировка соответствует решению палаты.

— Формулировка соответствует желанию того, кто хотел бы вынести главное под видом пыли.

— Архив не действует, — сказал Волконский мягко. — Ваш родовой источник молчит уже несколько лет. После смерти князя Павла дом Заречных не подтвердил ни одного нового договора силой печати. Поэтому часть архивных помещений признана хозяйственно неиспользуемой.

Чужая память отзывалась унижением. Варвара помнила, как сидела в малой гостиной, пока Глеб говорил почти то же самое. Тогда она молчала. Тогда ей казалось, что спорить бесполезно.

Анна Зорина бесполезность уважала только после проверки.

— Неиспользуемой кем? — спросила она.

— Палатой.

— Палата управляет домом Заречных?

— Нет, но...

— Дом Волконских управляет домом Заречных?

— Пока нет, — сказал он и осёкся на половине улыбки.

Варвара кивнула.

— Ценю честность, даже случайную.

Лыков вмешался:

— Княгиня, процедура должна быть начата. Прошу пройти в малую гостиную для подписания согласия на доступ к восточному архивному коридору.

— Не подпишу.

— В таком случае палата сочтёт ваше молчание препятствием исполнению решения.

— Я не молчу.

— Тогда отказ?

— Тоже нет.

Пристав начал раздражаться.

— Варвара Павловна, у процедуры есть только два варианта: согласие или отказ с последующим принудительным доступом.

— Это у плохой процедуры два варианта. У хорошей есть ещё чтение оснований.

Она перевернула лист.

— Здесь сказано: архивные материалы, не относящиеся к действующему родовому управлению. Значит, прежде чем что-либо выносить, вы обязаны доказать, что эти материалы действительно не относятся к управлению. А это, насколько я понимаю, подтверждает не палата и не Волконские, а родовая печать дома.

Писарь побледнел.

Лыков открыл рот.

Волконский перестал улыбаться.

Хорошо. Значит, попала.

Варвара пока не знала законов этого мира. Но знала главное правило любых систем: если мошенники прячут формулировку, значит, в ней есть узкое место. Они написали «не относящиеся», а не «все архивные материалы». Они оставили критерий. Критерий требовал подтверждения. Подтверждение — процедуры. Процедура — времени. Время было первым ресурсом, который она могла выиграть.

— Родовая печать молчит, — сказал Глеб. — Вы сами это знаете.

— До сегодняшнего утра многое молчало, потому что никто не задавал правильных вопросов.

— Варвара Павловна, — произнёс он уже тише, — не превращайте неизбежное в скандал. Подпишите. Сохраните западный дом, личное содержание и право проживания в столице. Это больше, чем вам готовы оставить другие.

— Как щедро. Мне предлагают не выбросить меня из моего же дома целиком. Почти праздник.

Лыков нахмурился.

— Ваше положение тяжёлое.

— Моё положение станет совсем тяжёлым, если я начну верить людям, которые пришли описывать мою мебель до завтрака.

Из глубины коридора слышались быстрые шаги. Появился старик в чёрном сюртуке, с седыми волосами и прямой спиной. Он остановился в трёх шагах от Варвары и поклонился.

— Княгиня.

Память подсказала имя.

Семён Кузьмич Поляков, старый управляющий дома. Остался из упрямства, вины и привычки служить не людям, а фамилии. Варвара прежняя доверяла ему, но почти перестала слушать. Анна сразу увидела: этот человек устал, но не продался.

— Семён Кузьмич, — сказала она. — Где родовая печать?

Старик застыл.

Волконский сделал шаг вперёд.

— Варвара Павловна, вам не стоит...

— Глеб Аркадьевич, — перебила она, — ещё одно «не стоит», и я начну считать, сколько раз вы вмешались в разговор главы дома с управляющим. Потом попрошу господина Лыкова внести это в протокол как давление заинтересованной стороны.

Писарь снова уронил лист.

На этот раз Варвара почти полюбила его за выразительность.

Семён Кузьмич смотрел на неё так, будто пытался понять, кто именно вышел из спальни под именем его княгини. Потом медленно сказал:

— Родовая печать в малом кабинете, ваше сиятельство. Но она давно не отвечает.

— Значит, проверим, она молчит или её не спрашивали.

Лыков решительно выступил вперёд.

— Я не могу допустить несанкционированную активацию родового имущества во время процедуры описи.

Варвара посмотрела на него.

— Вы сейчас сказали, что родовая печать — имущество?

— В юридическом смысле...

— Прекрасно. Тогда вы не можете её описывать без подтверждения главы дома. А глава дома я. И я иду в кабинет.

Она пошла первой.

Это было рискованно.

Она не знала планировки полностью. Но память Варвары подсказывала дорогу: по коридору мимо портретов, налево у гобелена с речной долиной, дальше через маленькую галерею, где зимой всегда сквозило, потом дверь из тёмного дерева с гербом Заречных. За спиной шли остальные: Лыков, писарь, Глеб Волконский, двое служащих, Семён Кузьмич. Кто-то ещё выглянул из бокового коридора — женщина в простом тёмном платье, молодая девушка с испуганными глазами, дворник с метлой. Дом, который утром пришли разорять, начал просыпаться.

Малый кабинет оказался теснее спальни, но куда живее.

Здесь пахло бумагой, деревом, холодным камином и старой властью. На столе стоял футляр из тёмного дерева. За столом висел портрет мужчины лет пятидесяти с жёстким взглядом и тем же гербом раскрытых ворот. Князь Павел Заречный, покойный свёкор. Человек, который, по памяти Варвары, однажды сказал: «Наш дом беднеет не от земли. Земля честнее людей».

Варвара подошла к столу.

— Открывайте.

Семён Кузьмич медлил долю секунды, потом достал ключ. Футляр щёлкнул. Внутри лежала печать: серебряная, тяжёлая, с гербом Заречных. Не просто предмет. Анна почувствовала это сразу. Печать будто спала, но не умерла. Как предприятие с остановленными станками и живыми людьми за проходной. Как дом, который ждёт не чуда, а приказа.

— Она не ответит, — тихо сказал Глеб. — Не унижайте себя.

Варвара коснулась печати.

Холод прошёл по пальцам, поднялся к запястью и остановился. Не принял. Не отверг. Спросил.

Кто ты?

Вопрос был без слов, но понятен до неприятной точности.

Анна Зорина.

Варвара Заречная.

Чужая душа в чужой жизни? Женщина, которая вчера считала отчёты в одном мире, а сегодня должна защищать род в другом? Самозванка? Последний шанс?

И вдруг Варвара поняла самое страшное: если печать спросит не титул, а правду, ей нечего будет предъявить.

Она не была этой женщиной до конца. Не знала её детства, её брака, её ошибок, её ночей, когда та, возможно, сидела в этом кабинете и молчала от отчаяния.

Она была чужой волей в чужом имени.

Но за дверью уже стояли люди, которым даже настоящая Варвара была не нужна живой.

Значит, сегодня придётся стать настоящей хотя бы настолько, чтобы не отдать им дом.

— Я, Варвара Павловна Заречная, действующая глава дома Заречных, — произнесла она медленно, сверяя каждое слово с внутренним сопротивлением печати, — запрашиваю подтверждение: относится ли восточный архивный коридор к действующему родовому управлению, договорам, земельным правам, мастерским, источнику достатка и защите дома.

Комната замерла.

Лыков перестал шуршать бумагами.

Писарь поднял глаза.

Глеб Волконский смотрел на печать уже без насмешки.

Сначала ничего не произошло.

Потом стол дрогнул.

Не сильно. Так, что можно было бы списать на старые доски, если бы одновременно на стене не вспыхнул герб под портретом князя Павла. Раскрытые ворота озарились серебром, колос налился тёплым золотистым светом, ключ легла поперёк них тонкой яркой линией.

Печать под пальцами Варвары стала тяжёлой и живой.

На поверхности стола проступили строки. Не чернилами — светом.

«Восточный архивный коридор относится к действующему родовому управлению. Вынос без подтверждения главы дома запрещён. Спор — перед родовой печатью и Советом прав».

Семён Кузьмич резко выдохнул.

Писарь выронил уже не лист, а весь планшет.

Варвара посмотрела на него.

— Молодой человек, вам стоит привязать документы к руке. У вас профессия рискованная.

Тот покраснел до ушей.

Лыков побледнел.

— Это... это должно быть проверено палатой.

— Разумеется, — сказала Варвара. — Внесите в протокол: родовая печать дома Заречных подтвердила действующее значение восточного архива. До проверки Советом прав вынос архивных материалов невозможен.

— Процедура описи...

— Движимое имущество описывайте, если оно указано законно. Архив — нет. Мастерские запасы — только после сверки, относятся ли они к действующей производственной линии дома. Земельные грамоты — не трогать. Родовые договоры — не трогать. Ключи от архивного коридора — оставить Семёну Кузьмичу.

Глеб Волконский медленно сказал:

— Вы очень быстро освоились.

Варвара повернулась к нему.

— Нет. Я просто умею читать то, что другие надеялись спрятать в скучных словах.

— Это не спасёт ваш род.

— Возможно. Но уже испортило вам утро. Начнём с малого.

Его лицо стало пустым. Вежливая маска вернулась, но теперь держалась хуже.

— Дом Волконских не заинтересован в вашем унижении.

— Конечно. Вы заинтересованы в моём согласии. Унижение шло бесплатным приложением.

Лыков резко закрыл папку.

— Я вынужден приостановить доступ к архиву до разяснения палаты. Однако опись прочего имущества будет продолжена.

— Продолжайте, — сказала Варвара. — Только аккуратно. Всё, что разобьёте, внесу в отдельный счёт.

— Княгиня, ваше имущество находится под долговым взысканием.

— Оно всё ещё моё. Разница, понимаю, неприятная.

Глеб наклонился к ней чуть ближе.

— Вы выиграли день. Может быть, два. Не больше.

Варвара не отступила.

— День — прекрасная единица времени, если раньше у тебя отнимали годы.

Его взгляд стал совсем холодным.

— Через месяц Совет родов решит судьбу вашего дома. К тому времени даже эта печать не поможет, если дом будет признан несостоятельным.

Слово ударило памятью.

Совет родов.

Тридцать дней.

Окончательное лишение статуса.

Варвара почувствовала, как чужая прежняя усталость пытается подняться внутри: всё бесполезно, поздно, сил нет, все уже решили. Она почти физически ощутила привычку Варвары опускать глаза, соглашаться, подписывать, благодарить за крошки, лишь бы не добивали остатки достоинства.

Анна этой привычки не имела.

Она имела другую: когда проект горит, сначала фиксируешь сроки.

— Семён Кузьмич, — сказала она.

— Да, княгиня.

— Сколько дней до Совета?

Старик посмотрел на неё так, будто надеялся, что она забыла, и боялся, что вспомнила.

— Тридцать, ваше сиятельство.

— Повестка?

— О признании дома Заречных утратившим самостоятельное родовое значение, передаче восточных земель под опеку Волконских, закрытии мастерской и пересмотре вашего права голоса.

Глеб Волконский спокойно добавил:

— И о назначении вам достойного содержания. При условии разумного поведения.

Варвара посмотрела на него долгим взглядом.

— Глеб Аркадьевич, вы слишком часто произносите слово «разумный» рядом с тем, что выгодно вам.

— А вы слишком уверенно говорите для женщины, которая только что узнала размер пропасти.

— Я ещё не видела размер. Пока только слышу, как вы из неё кричите.

Семён Кузьмич прикрыл рот рукой, но не успел скрыть короткий кашель, подозрительно похожий на сдавленный смех.

Варвара взяла родовую печать со стола.

Она ожидала, что та станет тяжёлой. Но печать легла в руку спокойно, будто приняла временное решение: не доверять полностью, но слушать.

Этого было достаточно.

— Господин Лыков, — сказала она, — опись продолжайте в пределах решения палаты. Господин Волконский, покиньте мой кабинет. Семён Кузьмич, после завершения утреннего цирка соберите мне все долговые ведомости, договоры, судебные решения, списки людей, состояние мастерских, земель, доходов и расходов за последние три года.

Старик выпрямился.

— Все?

— Все. Даже те, от которых хочется закрыть глаза и лечь под фамильный портрет.

— Это займёт время.

— У нас тридцать дней. Будем считать, что время тоже под описью.

Глеб Волконский задержался у двери.

— Варвара Павловна, я всё же советую вам подумать. Иногда уступить часть — значит сохранить жизнь дома.

Она посмотрела на светящийся герб над столом.

— Нет, Глеб Аркадьевич. Иногда уступить часть — значит показать, где резать дальше.

Он ушёл без поклона.

Лыков с писарем поспешили следом. Служащие переглянулись и тоже вышли, уже куда осторожнее, чем входили. В кабинете остались Варвара и Семён Кузьмич.

Несколько секунд они молчали.

Потом старик сказал:

— Простите, княгиня. Но сегодня вы говорили иначе.

— Лучше или хуже?

— Живее.

Варвара усмехнулась.

— Для начала сойдёт.

Он посмотрел на печать в её руке.

— Дом ответил вам. Впервые за два года.

— Потому что я спросила про архив.

— Не только. Печать не отвечает тому, кого не признаёт.

Это было неудобное знание.

Анна опустила взгляд на серебро.

Признала ли печать Варвару? Или Анну в Варваре? Или просто человека, который наконец не пришёл к ней с очередным отказом?

Пока неважно.

Сначала — выжить.

— Семён Кузьмич, — сказала она. — Сколько у нас людей?

— В доме постоянно — двенадцать. С дворовыми — двадцать семь. Если считать тех, кто ушёл, но ещё не подписал переход к соседям, можно вернуть около сорока.

— Деньги?

Старик помрачнел.

— Почти ничего. Часть счетов заморожена. Часть доходов уходит держателям требований.

— Мастерская?

— Закрыта. Но станки на месте. Мастерница Агафья осталась. Её ученица тоже.

— Земли?

— Восточные спорные. Южные заложены. Северные формально наши, но без людей и семян почти не дают дохода.

Варвара медленно кивнула.

Не катастрофа.

Точнее, катастрофа, но рабочая. У неё были люди, пусть мало. Были станки, пусть закрытые. Были земли, пусть спорные. Был архив, который Волконские хотели забрать первым. Была печать, которая всё ещё отвечала. Был срок.

Тридцать дней.

Она подошла к окну.

Внизу, во дворе, служащие Лыкова уже осторожно описывали садовые статуи, старые кресла и ящики с посудой. Два дворника наблюдали за ними с такой ненавистью, что Варвара мысленно внесла их в список потенциально полезных людей. У ворот стояла карета Волконского. На гербе — волчья голова с серебряными зубами.

За воротами начинался город.

Новый мир.

Магическая Империя, где род мог быть сильнее банка, печать — важнее подписи, а дом — живее некоторых людей.

Анна не знала его правил.

Но правила всегда можно изучить.

Особенно если кто-то уже оставил их в документах.

— Семён Кузьмич, — сказала она, не оборачиваясь. — Сегодня никто ничего не подписывает без меня. Никого из людей не отпускать, пока я с ними не поговорю. Кухню, конюшню, мастерскую и архив закрыть на внутренние ключи. Все бумаги — в этот кабинет. И найдите мне платье, в котором можно не только стоять красиво, но и работать.

— Работать, княгиня?

— Да. У нас род умирает. Неприлично встречать это без расписания.

Семён Кузьмич молчал так долго, что она всё же повернулась.

Старик смотрел на неё с выражением человека, который боялся поверить, но уже не мог запретить себе надеяться.

— Будет исполнено, ваше сиятельство.

— И ещё.

— Да?

Варвара подняла родовую печать.

Серебряный герб на ней едва заметно светился.

— Найдите мне всё о Совете родов. Состав, правила, кто голосует, кто должен деньги Волконским, кто ненавидит Заречных, кто ненавидит Волконских, кто делает вид, что нейтрален, и кого можно купить не деньгами, а выгодой.

Семён Кузьмич впервые за всё утро почти улыбнулся.

— Это будет длинный список.

— Отлично. Люблю, когда у врагов есть структура.

За окном Лыков что-то резко сказал служащим. Один из них поспешил отойти от двери восточного крыла. Родовой герб над архивным коридором вспыхнул слабым серебром, напоминая: сюда больше нельзя войти просто потому, что в бумаге оставили удобную формулировку.

Варвара почувствовала это.

Дом не ожил полностью.

Не простил.

Не распахнул перед ней все двери.

Но он перестал молчать.

И этого хватило, чтобы первый день перестал быть днём окончательного разорения.

Теперь это был первый день отсчёта.

Тридцать дней до Совета родов.

Тридцать дней, чтобы вернуть имя, людей, мастерские, землю и право голоса.

Тридцать дней, чтобы доказать Волконским, палате и всей магической Империи: опальная княгиня не собирается тихо исчезать из собственной истории.

Тридцать дней до казни рода

К полудню Варвара поняла, что дом Заречных умирал не как раненый зверь, а как плохо управляемое предприятие, где половина работников уже смирилась с закрытием, вторая половина тайком выносила инструменты, а прежнее руководство очень долго называло это «обстоятельствами».

И, что неприятнее всего, прежним руководством формально была она.

Не Анна Зорина, конечно. Не та женщина, которая ещё вчера в другом мире умела по запаху отличить кризисную отчётность от откровенной лжи. Но для этого дома, этих людей, этих долговых бумаг и этой странной серебряной печати на столе никакой Анны Зориной не существовало. Существовала княгиня Варвара Павловна Заречная: вдова, глава рода, хозяйка имения, человек, который два года позволял другим принимать решения за себя.

Теперь приходилось разгребать последствия.

Служащие Лыкова ушли только через три часа.

Не потому, что опись закончилась, а потому что Варвара превратила каждую строку в отдельную маленькую войну. Серебряные подсвечники? Указать вес, состояние, место хранения и запрет на вынос до уточнения принадлежности к парадному залу, связанному с родовыми приёмами. Ковры восточной галереи? Описать можно, снять — нельзя, пока не проверено, не входят ли они в утверждённый перечень имущества, необходимого для поддержания приёмной функции дома. Зеркала? Одно оказалось частью старого сигнального коридора, о чём не знал Лыков, не знал писарь и, судя по вытянувшемуся лицу Семёна Кузьмича, почти забыл сам дом.

Печать не загоралась всякий раз.

Иногда Варвара ошибалась. Один раз уверенно потребовала сверки по резному столику в синей гостиной, и печать ответила таким холодным молчанием, что даже спорить стало неловко. Лыков, воспрянувший было духом, тут же записал столик в опись с видом человека, которому вернули справедливость в размере четырёх ножек и выцветшей столешницы.

— Поздравляю, господин Лыков, — сказала Варвара. — Первый честно выигранный предмет за утро. Берегите это чувство, оно у вас редкое.

Писарь уткнулся в бумаги.

Служащие застыли.

Лыков покраснел, но столик всё же описал аккуратно. Без выноса. Варвара настояла на том, что опись — это не грабёж с хорошим почерком. Пристав хотел возразить, но после третьего упоминания протокола и заинтересованной стороны в лице Волконских начал выбирать слова осторожнее.

Глеб Аркадьевич к тому времени уже уехал.

И это Варваре не нравилось.

Человек, который уверен в победе, часто остаётся посмотреть, как ломают чужую мебель. Человек, который уехал слишком рано, либо получил нужное, либо понял, что проиграл не всё, а только первый ход. Волконский не выглядел тем, кто легко отступает. Значит, где-то уже готовился следующий шаг.

Но сначала — дом.

Когда за последним служащим закрылись ворота, Варвара велела собрать всех, кто ещё числился при Заречных. Не в парадном зале — там было холодно, пусто и слишком много пыли на позолоте. В бывшей трапезной, где хотя бы стоял длинный стол, а окна выходили во двор. Если ей предстояло объяснять людям, что род ещё не умер, лучше делать это в комнате, где когда-то ели, спорили и принимали решения, а не среди портретов, привыкших смотреть на потомков с упрёком.

Семён Кузьмич принёс первые папки быстрее, чем она ожидала. Видимо, часть бумаг давно лежала готовой, просто прежняя Варвара не требовала их так, чтобы отказ стал невозможен.

— Это ведомости по долгам за последние три года, — сказал он, выкладывая на стол три толстые связки. — Это судебные решения. Это список людей. Это по землям. Это по мастерской. И отдельно — договоры с Волконскими и теми, кто действовал через них.

— Через них?

Старик помедлил.

— Формально не всегда через них, ваше сиятельство.

— А фактически?

— Фактически слишком часто рядом оказывались их люди.

— Значит, заведём отдельную колонку: «Случайное совпадение, которому не верим».

Семён Кузьмич посмотрел на неё с усталой осторожностью.

— Вы хотите вести собственную сводную ведомость?

— Нет, Семён Кузьмич. Я хочу понять, где наш дом убивали, где он сам падал, а где ему помогали лечь удобнее для чужих сапог.

Он кивнул, не улыбаясь.

— Тогда бумаг будет много.

— У нас мало всего, кроме долгов. Приятно, что хоть в чём-то дом богат.

Старик хотел что-то сказать, но в трапезную начали входить люди.

Первыми пришли две женщины в одинаково тёмных платьях, но держались они совершенно по-разному. Старшая, широкоплечая, с гладко убранными волосами и лицом человека, который не верит ни в чудеса, ни в обещания, остановилась у двери и поклонилась коротко, без лишнего благоговения. Память Варвары подсказала: *Прасковья Матвеевна*, старшая по хозяйству. Оставалась не из любви к Заречным, а потому что её покойная сестра когда-то служила княгине-матери, и Прасковья считала уход личным поражением.

Рядом с ней стояла *Лиза*, молодая служанка с рыжеватыми волосами и большими испуганными глазами. Ей было лет восемнадцать, может, чуть больше. Держалась она так, словно заранее ждала, что её обвинят в чужих бедах. Память дала обрывок: сирота из северной деревни, взятая в дом три года назад, умеет шить, переписывать простые счета и очень быстро бегать по поручениям. Осталась, потому что возвращаться было некуда.

За ними вошёл высокий молчаливый мужчина в потёртой куртке. *Трофим*, конюх. Когда-то при Заречных держали два десятка лошадей, теперь осталось три старых мерина, одна упрямая кобыла и Трофим, который разговаривал с животными чаще, чем с людьми. Его лицо казалось вырубленным из серого камня, а взгляд не выражал ничего, кроме терпения. Варвара сразу решила: человек, который молчит в доме, полном чужих приказов, может оказаться ценнее говорунов.

Потом пришли дворовые: двое садовников, один с перебинтованной ладонью — Варвара не стала спрашивать подробностей; кухонная девушка с красными от холода руками; пожилой сторож; мальчишка-помощник с таким видом, будто он ещё утром собирался сбежать, но любопытство оказалось сильнее; две прачки; кучер; переписчик, которого Семён Кузьмич назвал *Федосеем Ильичом*; ещё несколько людей, явно ожидавших не собрания, а объявления о расчёте.

Последними вошли две женщины из мастерской.

Старшая — *Агафья Романовна*, мастерица. Невысокая, сухая, с лицом острым и недовольным. Её платье было простым, но чистым, рукава закатаны, на пальцах следы старой работы с металлом и древесиной. Она смотрела на Варвару не как на хозяйку, а как на задачу с плохими исходными данными.

Рядом держалась девушка лет семнадцати — *Марта*, ученица мастерской. Тонкая, темноволосая, с упрямо поджатым ртом. Она явно боялась, но ещё больше боялась, что страх заметят. В руках Марта сжимала маленький кожаный чехол, будто там лежало всё её имущество.

Когда все собрались, трапезная стала казаться меньше.

И беднее.

Двадцать с лишним человек для княжеского дома — это было не хозяйство. Это был остаток. Осколок. Несколько людей, которые не ушли либо потому, что были слишком упрямы, либо потому, что их не ждали в другом месте, либо потому, что чужие дома ещё не предложили цену.

Варвара поднялась во главе стола.

Родовая печать лежала перед ней. Она не светилась, но присутствовала так явно, что даже те, кто никогда не имел дела с магией рода, невольно на неё поглядывали.

— Утром дом Заречных пытались разобрать по описи, — сказала Варвара. — Не впервые. Просто сегодня я проснулась вовремя.

По людям прошёл осторожный шорох.

Прасковья Матвеевна не шелохнулась.

Агафья Романовна прищурилась.

Семён Кузьмич стоял справа от стола с папками в руках и смотрел на собравшихся так, будто пытался удержать их силой позвоночника.

— Через тридцать дней Совет родов решит, существует ли дом Заречных как самостоятельный род. Если мы ничего не сделаем, Волконские получают восточные земли, мастерскую, архив, старые договоры и право говорить от нашего имени. Мне, как любезно объяснил Глеб Аркадьевич, оставят содержание и возможность вести себя разумно.

— А нам? — спросил кто-то из задних рядов.

Вопрос прозвучал тихо, но честно.

Варвара посмотрела туда. Кажется, говорил садовник постарше.

— А вам оставят то, что оставляют людям при смене хозяина: надежду, что новый владелец сочтёт вас полезными. Некоторых возьмут. Некоторых выгонят. Некоторых заставят подписать переход на худших условиях. Если у кого-то есть иллюзии, лучше разбейте их сейчас, пока они не включены в опись.

Мальчишка-помощник сглотнул.

Лиза побледнела.

— Мне уходить некуда, ваше сиятельство, — вдруг сказала она так тихо, что слова почти потерялись между чужими вдохами.

Девушка тут же опустила глаза, будто уже пожалела, что заговорила.

— В северной деревне дом продали за долги. Если Волконские не возьмут меня в службу...

Она не договорила.

И Варвара впервые за утро почувствовала: дом Заречных — это не стены, не архив и не печать. Это люди, которых очень удобно назвать «остатками хозяйства», если не смотреть им в глаза.

Трофим не изменился в лице.

— Это правда? — спросила Прасковья Матвеевна у Семёна Кузьмича, а не у Варвары.

Старик ответил без украшений:

— Да.

В комнате стало холоднее, хотя огонь в камине ещё держался.

— Я не буду рассказывать вам, что все мы одна большая семья, — продолжила Варвара. — Во-первых, это неправда. Во-вторых, когда кто-то в кризис начинает говорить про семью, обычно он собирается задержать жалованье.

Агафья Романовна неожиданно хмыкнула.

Варвара заметила.

— Я скажу другое. У нас тридцать дней. Денег почти нет. Долгов много. Земли спорные. Мастерская закрыта. Людей мало. Враги богаты, опытные и уже уверены, что мы ничего не сможем. Это плохая новость.

— А хорошая? — тихо спросила Марта.

— Хорошая в том, что богатые и опытные враги часто ленятся проверять мелочи. Они считают, что раз дом слаб, то люди внутри тоже уже пустые. Сегодня утром они ошиблись с архивом. Значит, могут ошибиться ещё.

Прасковья Матвеевна сложила руки на груди.

— Что вы хотите от нас, княгиня?

Правильный вопрос.

Не «что будет». Не «спасите». Не «кто виноват». А что требуется.

Варвара оценила.

— Работы. Честных списков. Правды без красивых слов. Если кто-то хочет уйти — скажет сегодня. Я не буду держать людей обещаниями, которые не могу оплатить. Кто остаётся, тот работает по новому порядку. Никаких тайных выносов, никаких подписей без моего ведома, никаких разговоров с Волконскими без свидетелей, никаких «так было принято». Если что-то было принято и привело нас сюда, значит, это плохая традиция.

— Жалованье? — спросил кухонный парень.

Смелый или отчаянный. Варвара одобрила.

— Текущие долги по жалованью будут внесены в отдельную ведомость. Обещать выплату завтра не буду. Денег завтра не появится только потому, что я красиво нахмурюсь над печатью. Но каждый долг дома перед людьми будет записан и подтверждён. С сегодняшнего дня никто не работает «из милости» и никто не получает «как-нибудь потом» без строки в книге.

Федосей Ильич, переписчик, оживился.

— В какой книге, ваше сиятельство?

— В новой. «Книга службы и долга дома Заречных». Завести сегодня. Первый раздел: люди. Второй: невыплаченное. Третий: текущие обязанности. Четвёртый: что человек может дать дому за тридцать дней.

Семён Кузьмич слегка повернул голову к ней.

— Такую книгу раньше не вели.

— Значит, раньше дом мог позволить себе забывать, кто на нём держится. Теперь не может.

Тишина изменилась.

Она всё ещё была тревожной, но в ней появилась первая работа мысли. Люди начали считать не чужой приговор, а собственное место в ближайшем месяце.

— А если Волконские предложат больше? — спросила Агафья Романовна.

В комнате снова стало тихо.

Марта испуганно посмотрела на наставницу, но Агафья даже не моргнула. Она не провоцировала. Проверяла.

Варвара уважала такие проверки.

— Тогда тот, кому предложат, должен спросить себя, почему именно сейчас, — ответила она. — И что у него заберут после того, как он станет ненужен. Я не могу запретить вам выбирать выгоду. Могу только предложить другую: если мастерская Заречных снова заработает, старые мастера получают не милостыню, а долю с заказов. Записанную. С печатью. Если мастерская не заработает, мне нечем будет с вами расплатиться, кроме честного признания, что я проиграла.

Агафья долго смотрела на неё.

— Долю?

— Да.

— Сколько?

Семён Кузьмич едва заметно напрягся.

Варвара видела: старый порядок в нём хотел возмутиться. Слугам не обещают долю. Мастеровые получают плату. Хозяйка решает. Но прежний порядок довёл дом до того, что приставы считали подсвечники перед завтраком.

— Обсудим после осмотра мастерской и расчёта себестоимости, — сказала Варвара. — Я не называю цифры до того, как увижу станки, материалы и список возможных изделий. В отличие от некоторых домов, я предпочитаю сначала считать, потом красиво обещать.

Агафья кивнула.

— Тогда я останусь до расчёта.

— Благородно.

— Нет. Любопытно.

— Ещё лучше. Любопытные реже засыпают на работе.

Марта впервые слабо улыбнулась.

Прасковья Матвеевна спросила:

— Что делать сейчас?

— Вы — полный список запасов кухни, кладовых, белья, топлива и всего, что можно продать без ущерба для родовой функции дома. Но ничего не продавать. Только список. Лиза — помогать Федосею Ильичу переписывать людей и долги. Трофим — состояние конюшни, повозок, сбруи, кто из людей может ездить с поручениями. Агафья Романовна и Марта — через час показываете мне мастерскую. Семён Кузьмич — долги, земли, договоры и Совет родов. Остальные получают задачи от Прасковьи Матвеевны и Трофима. Если кто-то не знает, чем полезен, пусть найдёт того, кто знает, чем вреден, и встанет подальше.

Теперь засмеялись уже несколько человек.

Коротко, неловко, но живо.

Варвара не стала улыбаться слишком заметно. Рано. Юмор — это не победа. Это только признак, что люди ещё не превратились в инвентарь.

Когда собрание закончилось, никто не бросился целовать ей руки и клясться в вечной преданности. И это было хорошо. Такие сцены Варвара посчитала бы плохим признаком. Вместо этого люди начали расходиться с выражением тревожной занятости. Прасковья уже отдавала распоряжения так, словно мечтала делать это последние два года. Трофим молча перехватил мальчишку-помощника за воротник и увёл в сторону конюшни. Федосей Ильич, получив новую книгу, выглядел одновременно счастливым и обречённым.

Агафья задержалась.

— Княгиня.

— Да?

— Если вы думаете, что мастерская завтра начнёт приносить деньги, вы ошибаетесь.

— Я думаю, что если мастерская завтра не начнёт хотя бы подавать признаки жизни, через месяц её заберут люди, которым она нужна гораздо больше, чем мебель.

— Это правда.

— Тогда через час жду вас.

— Через полчаса, — сказала Агафья. — Если уж смотреть позор, лучше не тянуть.

Она ушла.

Когда дверь за Агафьей закрылась, Варвара на мгновение опёрлась ладонью о край стола. Пальцы дрожали.

Совсем чуть-чуть. Так, что никто бы не заметил.

Она позволила себе три вдоха. Не больше.

На четвёртом снова стала княгиней.

Варвара проводила её взглядом.

— Хорошая женщина.

Семён Кузьмич, оставшийся рядом, осторожно сказал:

— Трудная.

— Я сказала хорошая, а не удобная.

Он склонил голову.

— Вы действительно намерены открыть мастерскую?

— Я намерена понять, можно ли на ней заработать. Открытие ради гордости — это дорогое хобби. У нас на хобби денег нет.

— Родовая мастерская прежде делала печати достатка, амулеты границы, хозяйственные контуры для лавок, иногда — защитные узлы для караванов. Но после смерти князя Павла заказы почти исчезли.

— Почему?

— Часть клиентов ушла к Волконским. Часть испугалась связываться с опальным домом. Часть... не получила прежние заказы в срок.

— По чьей вине?

Семён Кузьмич посмотрел на папки.

— Разберём.

— Разберём сейчас.

Они сели за стол.

Первые два часа Варвара читала.

Это оказалось хуже, чем она думала.

И лучше.

Хуже — потому что дом Заречных действительно тонули в долгах. Не в одном большом, страшном, честном долге, который можно вынести на Совет и оспорить, а в десятках мелких, криво связанных обязательств. Поставка зерна, которая сорвалась из-за закрытой дороги. Штраф за сорванную поставку, хотя дорогу закрыл город после прошения Волконских. Заём под восстановление моста, который потом признали «нецелевым», потому что подрядчик исчез. Договор на поставку защитных пластин, где стоимость материалов внезапно выросла вдвое. Переуступка требований третьей стороне, которая через две печати снова выводила к Волконским.

Лучше — потому что схема была слишком аккуратной.

А слишком аккуратные схемы обычно оставляют повторяющийся узор.

— Вот, — Варвара положила рядом три договора. — Разные годы, разные поставщики, разные предметы. Но условие о штрафе написано почти одинаково.

Семён Кузьмич наклонился.

— Формула стандартная.

— Слишком стандартная. Кто рекомендовал этих поставщиков?

— Городская торговая палата.

— Кто в палате связан с Волконскими?

— Почти все стараются быть с ними в хороших отношениях.

— Это не ответ.

— Купец Самсон Рудой. Он ведёт часть поставок через их людей.

— Записать. Дальше. Вот решение о южном залоге. Почему дом не возражал?

Семён Кузьмич помрачнел.

— Княгиня... тогда вам сказали, что возражение увеличит расходы и только ухудшит положение.

Память Варвары отозвалась стыдом. Комната, душный воздух, Глеб Волконский с мягким голосом, усталая женщина, которой хотелось только, чтобы её оставили в покое.

Анна закрыла эту дверь внутри.

Не сейчас.

— Кто сказал?

— Глеб Аркадьевич.

— А наш представитель?

— Поверенный Крылов.

— Где он?

— Перешёл на службу к Волконским месяц назад.

Варвара медленно подняла взгляд.

— Конечно.

— Формально после завершения дел.

— Семён Кузьмич, если человек сначала помогает дому проиграть дело, а потом переходит к тем, кому дом проиграл, слово «формально» надо произносить с щипцами.

Старик потёр переносицу.

— Я внесу в список.

— В отдельный. Назовём его «Люди, чья порядочность требует проверки».

— Боюсь, книга получится толстой.

— Пусть Федосей радуется занятости.

За окнами темнело небо. День уходил, хотя казалось, что с утра прошла неделя. Варвара ещё не ела толком, но есть не хотелось. Ей хотелось разложить все бумаги на полу, соединить нитками одинаковые фамилии и посмотреть, кто окажется в центре паутины. Увы, ниток не требовалось. В центре и так стоял волчий герб.

Но одного понимания мало.

В прежней жизни Анна слишком часто видела людей, которые радовались, когда «всё поняли», и ничего не могли доказать. Понимание без документов — это разговор на кухне. Документы без стратегии — топливо для чужого костра. Нужна была система.

— Мы не начинаем с мести, — сказала Варвара.

Семён Кузьмич поднял глаза.

— Простите?

— Никаких громких обвинений. Никаких писем в палату с криком, что все вокруг мерзавцы. Никаких попыток вернуть всё сразу. Сначала аудит.

— Аудит?

Слово прозвучало чужеродно. Варвара заметила.

— Полная проверка. Долги, имущество, люди, договоры, спорные земли, мастерская, текущие расходы, возможные доходы. На каждый пункт: что есть, кому должны, кто выгодоприобретатель, какой срок, можно ли оспорить, можно ли заработать, можно ли отложить.

— За тридцать дней?

— Нет. Первичный список — за три. Иначе на тридцатый день мы придём к Совету с красивой печатью и пустыми руками.

Семён Кузьмич помолчал.

— Прежняя княгиня... простите, вы раньше не любили такие бумаги.

— Прежняя княгиня многое не любила.

Слова повисли опасно.

Старик смотрел на неё пристально.

Варвара поняла: он не глуп. Он видит слишком резкую перемену. Все видят. Но никто пока не знает, как её назвать. И лучше дать им удобное объяснение раньше, чем они придумают неудобное.

Она опустила ладонь на родовую печать.

— Сегодня утром Волконский пришёл за архивом, — сказала она. — Печать ответила. После такого либо продолжаешь быть прежней, либо дом умирает вместе с твоей деликатностью.

Семён Кузьмич медленно кивнул.

Не поверил полностью.

Но принял рабочую версию.

Для начала достаточно.

Дверь приоткрылась, и Лиза заглянула в трапезную.

— Ваше сиятельство, Прасковья Матвеевна велела передать: обед... то есть уже почти ужин... готов.

— Что у нас с продуктами?

Лиза растерялась.

— Простите?

— Сколько еды в кладовой?

Девушка испуганно посмотрела на Семёна Кузьмича, но тот молчал.

— Прасковья Матвеевна считает, что если экономно, то на девять дней. Если кормить всех нормально — на пять.

Варвара закрыла глаза на секунду.

Пять дней.

У дома с землями, мельницами и родовым источником было еды на пять дней нормальной жизни. Великолепный результат многолетнего хозяйствования. Просто образец того, как красиво доехать до пропасти в карете с гербом.

— Хорошо, — сказала она.

Лиза явно не считала это хорошим.

— Ваше сиятельство?

— Хорошо, что мы узнали это сегодня, а не на четвёртый день. Передайте Прасковье Матвеевне: с завтрашнего утра общий учёт кухни. Без урезаний для работников в пользу господского стола. Я ем то же, что и дом, пока не появится причина праздновать.

Семён Кузьмич чуть заметно вздрогнул.

Лиза раскрыла глаза.

— Но княгиня...

— Что?

— Так не принято.

— Лиза, если бы принятое работало, мы бы сейчас не считали крупу перед родовым портретом.

Девушка опустила голову, но Варвара увидела: не от страха. Чтобы скрыть улыбку.

— Будет передано.

— И пусть Прасковья Матвеевна найдёт мне через полчаса кого-нибудь, кто знает городские лавки и не боится торговаться.

— Это она сама, — сказала Лиза и тут же испугалась собственной смелости.

— Тем лучше.

Когда Лиза ушла, Варвара поднялась.

— Мастерская.

Семён Кузьмич посмотрел на бумаги.

— Сейчас?

— Агафья обещала позор через полчаса. Не будем заставлять позор ждать.

Мастерская располагалась в северо-восточном крыле, куда вели два коридора и одна узкая служебная лестница. По дороге Варвара видела, как дом меняется после утреннего при-

каза. Не магически, нет. Не стены расправлялись, не ковры сами очищались от пыли. Всё было проще и убедительнее: люди двигались быстрее. Прачки не шептались у окна, а несли бельё в кладовую. Кухонный парень тащил ящик под надзором Прасковьи. Трофим во дворе осматривал старую повозку так, будто собирался не списывать её, а вернуть к службе из чистого упрямства.

Это ещё не было восстановлением.

Это была реакция на то, что наверху снова появился человек, способный отдавать осмысленные распоряжения.

Мастерская встретила их запертой дверью с потемневшим гербом Заречных. Колос и ключ, обведённые кругом из мелких знаков. На двери висели две печати: одна родовая, тусклая; вторая — городская, наложенная при закрытии производства. Тонкая синяя полоска света означала запрет на работу до разрешения палаты.

Агафья ждала у двери вместе с Мартой.

— Вот, — сказала мастерица без приветствия. — Наш главный станок теперь украшение. Палата закрыла мастерскую после проверки. Сказали, что дом не способен обеспечить качество изделий.

— Проверка была когда?

— Три месяца назад.

— Кто проводил?

Агафья посмотрела на Семёна Кузьмича.

Тот ответил:

— Городской надзор ремесленных печатей. Старший проверяющий — Осип Грачёв.

— Связан с Волконскими?

— Его сын служит в их торговой конторе.

Варвара даже не удивилась.

— Случайность устала работать без выходных.

Марта тихо сказала:

— Мы могли выполнять заказы. Не все, но могли.

Агафья резко повернулась к ней.

— Молчи.

— Нет, пусть говорит, — сказала Варвара. — Что значит «могли»?

Девушка сжала кожаный чехол.

— Проверяющие смотрели большой станок. Он действительно не держал ровную линию. Но малые столы работали. Мы могли делать простые границы для лавок, амбарные печати, дорожные застёжки. Не княжеский уровень, но рабочее. А в акте написали, что мастерская полностью непригодна.

Агафья сердито выдохнула.

— Девчонка не понимает, что говорит.

— Очень надеюсь, что понимает, — сказала Варвара. — Потому что если акт закрытия зависил проблему, это ещё одна лазейка.

Она подошла к городской печати.

— Кто имеет право снять запрет?

Семён Кузьмич ответил:

— Палата. Или проверяющий. Или родовая печать при условии, что работы ведутся не на продажу, а для внутреннего хозяйственного восстановления.

Агафья вскинула голову.

— Для внутреннего — да. Но это не даст денег.

— Сначала это даст доступ к станкам.

— А потом?

— Потом мы найдём, что можно сделать для дома, чтобы не покупать снаружи. Всё, что мы не купим, уже сэкономленные деньги. Всё, что заработает и будет подтверждено печатью, станет аргументом к палате. Всё, что можно показать свидетелям, станет рекламой.

Агафья прищурилась.

— Рекламой?

Опять чужое слово.

Варвара мысленно выругала себя и поправилась:

— Слухом, который работает на нас.

Мастерица кивнула, принимая.

— Родовая печать может открыть мастерскую только для внутренней службы. Но она давно не отзывалась на ремесленный круг.

— Сегодня она вежливая, — сказала Варвара. — Попробуем.

Она положила ладонь с перстнем на родовую часть печати у двери. Серебряная печать из кабинета осталась у Семёна Кузьмича в футляре, но перстень на руке тоже отвечал слабым холодом. Варвара ещё не понимала магию. Не собиралась притворяться, что понимает. Значит, нужно было формулировать узко.

— Дом Заречных, — произнесла она, чувствуя, как Агафья и Семён Кузьмич замерли за спиной, — запрашиваю открытие мастерской для внутренней проверки состояния, учёта станков, сохранения имущества и работ, необходимых для поддержания хозяйства дома. Продажу внешним лицам не начинать. Городской запрет не нарушать. Родовые материалы не выносить. Ответственных: Агафья Романовна, Марта, Семён Кузьмич и я.

Дверь молчала.

Варвара уже подумала, что ошиблась, когда герб на двери едва заметно вспыхнул. Не ярко, как в кабинете. Слабо, словно старый механизм нехотя признал: это не рывок ради гордости, а разумная хозяйственная операция.

Городская синяя полоска осталась.

Но родовая печать рядом с ней раскрылась.

Замок щёлкнул.

Агафья смотрела на дверь так, будто та лично нанесла ей оскорбление своей внезапной готовностью.

— Два года, — сказала она. — Два года молчала.

— Возможно, ей тоже не нравились формулировки.

— Печати не капризничают, княгиня.

— Удобно. Значит, капризничали люди.

Мастерская пахла пылью, металлом, сухим деревом и остановленной работой. Вдоль стен стояли столы с вырезанными на поверхности кругами и линиями. На полках — ящики, обрезки пластин, старые заготовки, коробки с каменными вставками, мотки тонкой проволоки, несколько инструментов, назначение которых Варвара пока не понимала. В центре находился большой станок: тяжёлый, красивый, сложный, с треснувшей направляющей дугой. Вокруг него было пустое пространство, будто все боялись подходить близко.

— Главный? — спросила Варвара.

Агафья кивнула.

— Сердце мастерской. Через него делали большие печати достатка для амбаров, мельниц и торговых дворов. После поломки линия идёт криво. Если запустить без расчёта, изделие держится недолго и позорит герб.

— Значит, большой станок пока не трогаем.

Марта удивлённо посмотрела на неё.

— Но без него мастерская...

— Без него мастерская не делает крупные заказы. Это не то же самое, что «ничего не делает».

Агафья медленно повернулась к ученице.

— Я же говорила.

— Вы говорили иначе, — тихо возразила Марта.

— Я говорила сердито.

— Это многое объясняет, но не всё.

Варвара с интересом посмотрела на них обеих.

Живая связка. Наставница резкая, ученица упрямая. Не поклонницы. Не удобные. Отлично.

— Покажите малые столы.

Марта оживилась и повела её к боковой линии. Три стола, каждый с собственным кругом. На одном — знак границы, на втором — знак сохранения сухости и тепла, на третьем — знак счёта и меры. Варвара не понимала символов, но чувствовала разницу так же, как утром почувствовала архив. Первый стол был связан с дверями, заборами, лавками, маленькими охранными линиями. Второй — с кладовыми, амбарами, телегами. Третий — с весами, мерами, записями.

— Что из этого можно сделать быстро? — спросила она.

Агафья ответила сразу:

— Внутренние амбарные метки. Печати на кладовые. Малые границы для окон и дверей. Счётные дощечки для инвентаря. Дешёвые дорожные застёжки, но их нельзя продавать при запрете.

— Для дома можно?

— Можно. Если материалы родовые и работа для хозяйства.

— Сколько материалов?

Агафья открыла ящик, потом другой. Мрачнела с каждым движением.

— Мало. Часть описали утром?

— Не успели.

— Тогда кто-то вынес раньше.

Марта вспыхнула.

— Я говорила! Я говорила, что ящик с медной нитью был полный!

— Когда?

— До проверки.

Агафья резко закрыла ящик.

— Значит, проверяющие не только проверяли.

Семён Кузьмич тихо сказал:

— В акте указано, что часть материалов признана непригодной и вывезена на утилизацию через городскую палату.

Варвара медленно повернулась.

— Через кого?

— Через городскую палату.

— Куда?

Семён Кузьмич открыл одну из папок, быстро нашёл лист.

— На склад ремесленного надзора. Ответственный — Осип Грачёв.

— Сын которого служит у Волконских.

— Да.

Варвара подошла к пустому ящику.

Иногда миры отличаются одеждой, титулами и магией. А иногда в любом мире человек видит пустой склад, акт о непригодности и знакомую фамилию — и понимает, что дома.

— Записать, — сказала она. — Материалы мастерской, вывезенные как непригодные. Проверить, не оказались ли они потом у чужих мастерских в прекрасном состоянии.

Агафья тихо выругалась без грубости, но с чувством.

— Если оказались?

— Тогда это не просто долг. Это кража хозяйственной возможности. Для Совета родов звучит полезнее.

— Вы хотите тащить это на Совет?

— Я хочу тащить туда всё, что может показать: Заречные не «естественно угасли», а кому-то помогли гаснуть.

Марта смотрела на неё с расширенными глазами.

— А если Совет не станет слушать?

Варвара улыбнулась краем губ.

— Тогда надо сделать так, чтобы им стало неудобно не слушать.

— Как?

— Пока не знаю. Поэтому начнём с того, что можем. Агафья Романовна, список материалов, которые есть. Список того, что исчезло. Список изделий, которые можно сделать для внутреннего хозяйства за три дня. Марта — отдельный список простых изделий, которые могли бы быть нужны обычным лавкам, дворам и ремесленникам, если запрет снимут или обойдут законно.

— Обычным? — переспросила Агафья.

— Да.

— Дом Заречных работал с купцами, землевладельцами, иногда с городскими управами. Лавки — мелочь.

— Дом Заречных стоит на краю пропасти. Самое время перестать презирать мелочь, особенно если мелочь платит быстро.

Мастерица хотела возразить, но передумала.

Варвара видела, как у неё в голове идёт тяжёлая перестройка. Для Агафьи мастерская была не просто источником дохода. Это была гордость. Родовое дело. Работать на мелкие лавки значило признать падение. Но падение уже случилось. Теперь нужно было решить, останутся они лежать или начнут подниматься с ближайшего камня.

— Малые границы для лавок, — медленно сказала Марта. — От ночных вскрытий, от сырости, от порчи товара, от подмены мер. Простые. Недорогие. Если делать сериями, можно быстро.

Агафья посмотрела на ученицу.

— Сериями?

Марта смутилась, но не отступила.

— Если узор один, а меняется только имя лавки и размер двери.

Варвара почувствовала почти физическое удовольствие.

Вот оно.

Не чудо. Не внезапная победа. Рабочая мысль.

— Марта, — сказала она, — после списка изделий вы будете вести отдельную тетрадь повторяющихся узоров.

— Я?

— Вы предложили серийность. Теперь будете за неё отвечать.

Девушка побледнела.

— Я не...

— Если скажете «не умею», я поверю. И тогда мы найдём того, кто умеет. Если скажете «попробую», я дам вам три дня и Агафью Романовну над душой.

Агафья фыркнула.

— Это звучит как угроза.

— Это и есть угроза. Но хозяйственная.

Марта сжала чехол.

— Попробую.

— Хорошо.

Из дальнего угла мастерской вдруг донёсся тихий стук.

Все повернулись.

Агафья нахмурилась.

— Там кладовая заготовок. Она закрыта.

— Кем?

— Городской печатью после проверки.

— Родовая?

— Нет. Внутренняя. Старая. Ключ был у князя Павла. После его смерти не нашли.

Стук повторился.

Не как будто кто-то был внутри. Скорее дерево откликнулось на открытие мастерской. Варвара подошла ближе. В стене за старой тканью действительно обнаружилась низкая дверь, почти незаметная в тени. На ней не было синей городской полосы. Только потемневший знак Заречных и узкая скважина.

— Что там?

Агафья развела руками.

— Старые чертежи, возможно. Непригодные формы. Запасные дуги. Я туда не входила ни разу.

— Почему не вскрыли?

— Это родовая кладовая. Без ключа можно испортить защиту. А прежняя княгиня не разрешила тревожить.

Память Варвары молчала. Похоже, прежняя хозяйка тела и правда не знала или не хотела знать.

Варвара посмотрела на Семёна Кузьмича.

— Ключи князя Павла?

— Часть в архиве. Часть пропала.

— Конечно.

Она подняла руку с перстнем. После утреннего и двери мастерской внутри уже появилось первое понимание: дом отвечал не на желание, а на точную задачу. Не «откройся, потому что мне надо», а «откройся в рамках права, чтобы выполнить службу».

— Родовая кладовая мастерской Заречных, — сказала Варвара, медленно подбирая слова, — запрашиваю доступ для главы дома, мастерицы и управляющего с целью учёта, сохранения и восстановления внутренней службы мастерской. Содержимое не выносить за пределы мастерской без описи. Повреждённые формы не запускать. Спорные предметы отметить.

Тишина.

Потом в замке что-то щёлкнуло.

Не полностью.

Дверь дрогнула, но не открылась.

— Не хватает ключа, — сказала Марта.

— Или формулировки, — ответила Варвара.

Агафья неожиданно шагнула вперёд.

— Кладовая, я, Агафья Романовна, старшая мастерица дома Заречных, подтверждаю службу: учёт, сохранение, восстановление. За порчу отвечаю именем мастерской.

Семён Кузьмич добавил:

— Я, Семён Кузьмич Поляков, управляющий дома, подтверждаю: доступ запрошен главой рода для хозяйственной необходимости.

Замок щёлкнул второй раз.

Дверь приоткрылась.

Варвара посмотрела на них.

— Вот видите. Дом тоже предпочитает работать с командой.

— Дом предпочитает правильный порядок, — сказала Агафья.

— Это почти то же самое, только скучнее звучит.

Кладовая оказалась небольшой и тёмной. Семён Кузьмич принёс лампу. Свет выхватил полки, ящики, рулоны плотной бумаги, деревянные футляры, старые формы и аккуратно сложенные пластины. Пыли было мало — удивительно мало для помещения, которое не открывали годами. Родовая защита всё ещё держала сухость и тишину.

Марта первой заметила чертежи.

— Агафья Романовна...

Она достала один рулон, развернула на ближайшем столе и замерла.

Агафья подошла.

Её лицо изменилось.

Впервые за всё время мастерица выглядела не злой, не упрямой, не усталой, а потрясённой.

— Это не амбарная печать, — сказала она.

Варвара подошла ближе.

На чертеже были изображены маленькие пластины — простые, почти грубые по сравнению с родовыми изделиями на стендах. Прямоугольники, круги, скобы, тонкие линии. Но схема вокруг них выглядела знакомо: граница, мера, сохранение, отклик на честную службу. Не для княжеского дома. Не для богатого купца. Не для большого амбара.

Для обычной двери.

Для лавки.

Для телеги.

Для маленького двора.

Внизу старым почерком было написано:

«Малая защитная серия для городских ремесленников. Доступная форма. Родовая доля — не выше десятой части платы. При массовой нужде запускать без задержки Совета».

Варвара перечитала строку.

Потом ещё раз.

Дом Заречных уже когда-то думал о том, что сила рода может работать не только для богатых.

А потом эти чертежи закрыли в кладовой.

— Почему это не использовали? — спросила она.

Агафья медленно провела пальцем рядом с линией, не касаясь чернил.

— Старые формы. Их делал князь Павел. После его смерти сказали, что это слишком дешёвое направление. Позорит статус дома. Мастерская перешла на крупные заказы.

— Крупные заказы, которые потом сорвались.

— Да.

— А простые изделия могли бы кормить мастерскую всё это время.

Агафья молчала.

Семён Кузьмич выглядел так, словно ему только что показали письмо из прошлого, где дом сам предупреждал о будущей ошибке.

Марта развернула второй рулон.

— Здесь расчёт серии.

Третий.

— Здесь список материалов.

Четвёртый.

— Здесь... княгиня, здесь схема торгового договора для малых лавок.

Варвара почувствовала, как внутри складывается первая настоящая возможность.

Не победа. Даже не план целиком.

Но направление.

Простые защитные изделия для горожан и ремесленников. Малые границы. Низкая цена. Быстрый оборот. Родовая доля не выше десятой части — значит, старый князь понимал, что чрезмерная жадность убьёт распространение. Если эти изделия удастся сделать для внутреннего хозяйства, показать работу, собрать свидетелей и доказать палате, что мастерская не непригодна, а намеренно остановлена...

Варвара улыбнулась.

Агафья заметила и нахмурилась.

— Не радуйтесь раньше. Формы старые. Материалов мало. Запрет на продажу действует. Большой станок сломан. Людей не хватает. И если Волконские узнают, что мы нашли эти чертежи, они захотят их забрать ещё сильнее.

— Значит, не будем облегчать им жизнь.

— Что вы намерены делать?

Варвара посмотрела на чертежи, потом на мастерскую, потом на людей рядом с ней.

Семён Кузьмич — память дома.

Агафья — руки мастерской.

Марта — свежая мысль.

Родовая печать — право.

Тридцать дней — срок.

— Сначала, — сказала она, — мы не продаём ни одной вещи. Мы делаем малые защитные формы для собственного дома: кладовые, ворота, конюшня, мастерская. Проверяем, что работает. Считаем материалы и время. Потом приглашаем тех, кто сегодня видел опись, но не любит Волконских. Пусть увидят, что мастерская Заречных жива.

— А дальше? — спросила Марта.

— Дальше найдём людей, которым нужна защита дешевле, чем гордость великих домов.

Агафья смотрела на неё очень внимательно.

— Вы хотите начать с простых горожан?

— Я хочу начать с тех, кто платит за результат, а не за герб на приглашении.

— Это будет скандал.

— Агафья Романовна, утром у меня пытались забрать архив, днём я обнаружила, что еды у нас на пять дней, а вечером нашла чертежи, которые могли бы спасти мастерскую, если бы кто-то раньше не счёл их недостаточно блестящими. Скандал в нашем положении — это уже не угроза, а один из видов связи с общественностью.

Марта тихо спросила:

— Связи с кем?

Варвара помолчала.

— С теми, кто должен услышать, что мы ещё живы.

За окном мастерской темнело. В доме зажигались редкие огни. Где-то внизу Прасковья ругалась с кухонным парнем. Во дворе Трофим проверял повозку. Федосей, вероятно, уже страдал над новой книгой службы и долга. Дом, который утром собирались списать, к вечеру был не спасён, не восстановлен и не защищён от будущих ударов.

Но в закрытой кладовой лежали чертежи.

И Варвара впервые за этот длинный день почувствовала не только угрозу.

Возможность.

Она положила ладонь на первый рулон.

— Заприте внешние двери мастерской, — сказала она. — Завтра утром начнём считать, что из этого можно сделать за три дня.

Семён Кузьмич кивнул.

Агафья осторожно свернула чертёж.

Марта прижала к себе второй рулон так бережно, будто держала не бумагу, а первый настоящий шанс.

И в этот момент родовой герб над дверью мастерской вспыхнул мягким серебряно-золотым светом.

Свет не взорвался победным сиянием — он держался у самого края герба, как уголь под золой: не пламя, но уже и не пепел.

На стене рядом с дверью проступила тонкая строка старого письма:

«Достаток начинается там, где дом перестаёт отдавать своё молча».

Варвара смотрела на слова, пока они медленно таяли в воздухе.

Потом Марта, всё ещё прижимая рулон к груди, нахмурилась.

— Здесь есть ещё одна пометка.

Она перевернула чертёж. На обороте, почти у самого края, старым почерком князя Павла было выведено:

«Если Волконские узнают, что малые печати можно связать в сеть, они придут не за мастерской. Они придут за тем, кто сумеет её запустить».

В мастерской стало так тихо, что слышно было, как за стеной потрескивает остывающий камень.

Варвара перечитала запись дважды.

Потом медленно подняла глаза на Марту.

Девушка ещё не понимала, что держит не только шанс.

Мишень.

— Прекрасно, — сказала Варвара. — У нас появился план, продукт и причина никому об этом не рассказывать. День, оказывается, ещё может ухудшиться с пользой.

— Заприте внешние двери мастерской, — сказала Варвара уже без улыбки. — С сегодняшней минуты эти чертежи видят только те, кто стоит в этой комнате.

Агафья осторожно забрала у Марты рулон и свернула его так бережно, будто прятала живое сердце.

Семён Кузьмич впервые за весь день не стал спрашивать, не слишком ли это осторожно.

За тридцать дней дом Заречных должны были казнить решением Совета.

Но теперь у него появился первый инструмент защиты.

Не меч.

Не армия.

Не богатый покровитель.

Чертёж дешёвой малой печати для обычной двери — и девочка, из-за которой враги могут прийти быстрее, чем Варвара успеет научиться побеждать.

Княгиня, которая считает деньги

Утро второго дня началось с того, что Варвара узнала цену надежды.

Три медные нити, две неполные коробки сухих вставок, сорок семь пригодных заготовок, один малый стол, который работал без заикания, и мастерская, где каждая полка выглядела так, будто её грабили не в спешке, а с пониманием складской ведомости.

Агафья Романовна стояла посреди мастерской с дощечкой учёта в руках и выражением лица, которое могло испортить погоду в радиусе версты.

— С этим, — сказала она, — можно сделать либо двадцать малых печатей границы, либо двенадцать кладовых меток, либо одну приличную попытку доказать, что дом Заречных ещё не окончательно лишился рассудка.

— Предпочитаю третье, — ответила Варвара.

— Третье обычно дороже.

— Всё приличное обычно д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.